

Магия была странной. Энергия, которая бросала вызов логике, делала невозможное возможным. Ядерная трансмутация должна была быть более сложной, но магия сделала ее проще, и гораздо более достижимой.

Обладая четким пониманием химии, он смог использовать свое воображение, визуализацию, намерение, и изменить атомную и молекулярную структуру куска букового дерева на сталь.

Если молекулярная перестройка была завораживающей, то атомная реструктуризация просто потрясающей.

Изменения происходили во многом так же, как и предыдущее; оно было постепенным, а не одновременным, как большинство трансфигураций.

Но на этом сходство закончилось.

Как и в случае с постоянной трансфигурацией, никакие отменяющие чары не сработали, хотя и он, и Аманда предполагали, что при наличии достаточного времени трансфигурация отменится, хотя и не знали этого наверняка.

Он узнал об этом совершенно случайно. Когда Аттикус был моложе, то сломал сделанную им тонкую трансфигурацию и спрятал ее в глубине своего шкафа и когда наткнулся на нее много лет спустя, то обнаружил, что трансфигурация сохранилась.

Аманда смеялась над его признанием о том, насколько случайным это произошло, и дразнила его тем, что он, наконец, стал похож на обычных смертных. В конце концов, большинство открытий происходили в основном именно случайно.

Он назвал этот Закон Постоянства после трансфигурации.

"Любой предмет, который полностью трансфигурирован из одного состояния в другое, сохранит свою неизменность, если его сломать на две или более частей. Незавершенная трансфигурация не сохранит своего постоянства.»

По правде говоря, ему хватило бы только этого вклада в науку, чтобы получить свое мастерство, поскольку этого было более чем достаточно для соответствия заданным критериям. Тем не менее, он хотел уважения и признания, которые пришли с обоими вкладом.

Недостатком были проклятые документы, которые он должен был представить. Он уже отсортировал арифметические вычисления и заметки, и их нужно было только привести в порядок.

Его вклад в чары будет гораздо менее захватывающим, поскольку это было простое расширение действующих законов.

Сэйр зевнул и потянулся, поднявшись на ноги с травы, и начал долгое путешествие обратно в замок.

Теперь его расписание в школе в основном изменилось. У него все еще имелось несколько занятий, которые он посещал со своими одноклассниками, но они были тривиальными. Как часть его ученичества, его иногда использовали в качестве помощника на уроках за исключением Трансфигурации, которую теперь преподавал Дамблдор.

Аттикус поморщился, вспомнив время, проведенное с этим человеком. Он настаивал на получении от него ответов, как только начались занятия в Хогвартсе после рождественских каникул на которых Альбус познакомился с Эмили Риддл. Из того, что он сказал выходило, что он сводил ее в Косой переулок, в отличие от того, что сделал в каноне.

Аттикус прикинулся невежественным и сбитым с толку, что, к сожалению, это не убедило мужчину.

На этом их нейтральные отношения превратились в холодные, не совсем враждебные, но уж точно не дружеские.

Дамблдор предпринимал попытки ограничить академические успехи Аттикуса, действуя через посредников, которые в высшей степени оказались безуспешны, а для самого Альбуса имели последствия.

Аттикус просто сообщил своей семье о действиях Дамблдора, и они позаботились об этом.

Диппет раскритиковал своего зама, как только получил доказательства его действий. Этого было недостаточно, чтобы потребовать официального расследования, но хватило для совета попечителей, чтобы приговорить его к пяти годам испытательного срока, хотя, к сожалению, не отстранить от должности заместителя директора.

Действия Дамблдора не имели для Аттикуса никакого смысла, кроме того, что он делал это потому, что видел в нем угрозу, хотя не понимал, почему действовал так открыто.

Его успех и популярность определенно сильно раздражали этого человека.

Сэйр был не из тех, кто испытывает страхи, но он, безусловно, все больше опасался политической власти Дамблдора.

Дамблдор, несмотря на свой отказ остановить Гриндевальда, продолжал наращивать влияние, и этот человек собрал вокруг себя многих бывших учеников, в основном гриффиндорцев. Это означало, что у него имелись связи в министерстве, и, если его отец был прав, было даже несколько членов Визенгамота в долгу перед ним или под его влиянием. Плохо.

Он мог бы стать таким же влиятельным, как в книгах Роулинг и значительно ограничить его действия, если не укрепить свои собственные позиции. Аттикус ненавидел политику, но никогда не позволил бы задвинуть себя.

Казалось, что его вмешательство даже не оказало особого влияния, и он беспокоился, что сделал только хуже. Дамблдор относился к Риддл достаточно прилично, особенно учитывая тонкий лед, на котором он сейчас стоял, но бросал на нее затяжные взгляды, и из нескольких взаимодействий, свидетелем которых он стал, Дамблдор сильно не одобрял ее поведение.

Альбус, казалось, уделял все свое внимание во время трапез в большом зале, наблюдая за ними обоими и уже становился невыносим. У него действительно талант в создании темных лордов.

Оглядываясь назад, ему не стоило ожидать меньшего от Дамблдора. Хотя и действуя тонко, он сильно не одобрял слизеринцев, а Риддл была воплощением змеиного факультета. Они оба были могущественны, и Альбусу явно не нравились могущественные люди, кроме него самого.

Этот человек никогда не сможет искоренить свои наклонности и подозрения, даже если это будет в интересах всех участников. Чем больше Аттикус видел Дамблдора, тем больше понимал, что этот человек плохо подходит для воспитания детей. Он отличный учитель, но не должен иметь никакой власти над подрастающим поколением.

Кстати, о Риддле... когда он взглянул на нее, то не мог не удивиться. У нее было худощавое телосложение, такая же бледная кожа, как у него, и длинные иссиня-черные волосы.

Трудно было представить, что у такой маленькой худенькой девочки есть потенциал подняться и стать самой темной ведьмой или волшебником в британской истории. Хотя это имело смысл, если не брать в расчет ее внешний облик.

Его магическое чутьё постоянно росло, особенно после второго и третьего набора ритуалов и благодаря этому Аттикус почувствовал ее силу. Даже тогда, на первом курсе, она уже являлась одной из сильнейших в школе, а сейчас, вероятно, стала второй по силе ученицей.

Также там, где магия других первокурсников была неконтролируемой и неустойчивой, ее сила плотно обвивалась вокруг нее.

За исключением трапез в большом зале, их пути никогда не пересекались на ее первом курсе. Казалось, она сосредоточилась на других делах, связанных с ее факультетом и репутацией. Ее быстро начали сравнивать с ним, еще одним вундеркиндом, украшающим залы Хогвартса. Было нетрудно заметить, как она выросла, став лидером своего курса за несколько месяцев, или едва заметное изменение ее положения на факультете к концу первого года.

Время от времени он помогал профессору Фоули в чарах, и казалось, что ее внимание к нему росло. Он не был слепым, и краем глаза замечал расчетливый взгляд, которым она осматривала его, оценивая, но игнорировал это. Риддл никогда не нуждалась в его помощи и

была первой в своем классе, кто правильно выполнял заклинания. Таким образом, их взаимодействие было ограничено.

Он задумчиво напевал, возвращаясь в замок, скрестил руки за спиной. Теперь приближалась отметка, которую Сэйр знал, как пересечь. У него имелись годы, чтобы придумать, как справиться с ней, но столкнувшись с этим лицом к лицу, многие задумки не имели значения.

<http://tl.rulate.ru/book/69062/2539195>